

**ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ И ДЖОН КИТС
(СОNET «СОЗЕРЦАЯ ПРЕКРАСНУЮ КАРТИНУ»
И «ОДА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗЕ»)**

Н.Я. Дьяконова

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена*

*e-mail:
diakonov@thd.pnpi.spb.ru*

Освещается примечательная страница английского романтизма: творческие взаимоотношения и взаимовлияния нескольких поколений поэтов-романтиков. Подчеркивается, что противоречивые оценки творчества поэта-лексист Вильяма Вордсворта, данные двумя его литературными современниками Джорджем Гордоном Байроном и Джоном Китсом, обусловлены не только коренным различием их общих взглядов, но и принципов восприятия литературных современников. Очевидно, что на раннем этапе Китсу не удалось избежать подражания поэзии своего кумира. Представленный сравнительно-сопоставительный анализ сонета Вордсворта «Созерцающая прекрасную картину» и Китса «Ода греческой вазе», несмотря на различия в понимании авторами искусства, последовательно доказывает приверженность Китса идеям Вордсворта.

Ключевые слова: Вордсворт, Китс, греческая ваза, сонет, Джордж Бомонт, Байрон, лексист

Вордсворт принадлежит к тем немногим поэтам, которые еще при жизни удостоились прямо противоположных стихотворных свидетельств. В известном «Посвящении», предваряющем «Дон Жуана», Байрон пишет:

А Вордсворт наш в своей «Прогулке» длительной –
Страниц, пожалуй, больше пятисот –
Дал образец системы столь сомнительной,
Что и мудрейших оторопь берет.
Считает он поэзией пленительной
Сей странный бред, но тот, кто разберет
Хоть строчку этого произведения
Любую чушь провозгласит твореньем.
(Перевод Татьяны Гнедич)

На год раньше, в 1817 году, Китс, тогда еще никому не известный, опубликовал сонет, обращенный к другу, скульптору Б.Р. Хейдону:

Великие живут и среди нас:
Один, с природой слитый воедино,
Озерный край с вершины Хелвеллина
Вбирает сердцем, не смыкая глаз.
(Перевод Сергея Сухарева)

В этих строках нельзя было не узнать «лексиста» Вордсворта. За ним, тоже не названные, следуют писатель и критик, крайний радикал в политике Ли Хент – и адресат сонета Хейдон, смелый новатор. Китс завершает стихотворение словами надежды:

Век новый в настоящее шагнул,
И многие вослед за ним пришли
Вложить иное сердце в мирозданье...
Народы! Вслушайтесь, тая дыханье.

Полярность приведенных оценок обусловлена коренным различием не только общих взглядов Байрона и Китса, но и принципов их восприятия литературных современников. Для Байрона решающей была политическая позиция Вордсворта, от-

ступника от революционных идей и проповедника религиозно-нравственного воздействия на человечество; по мнению Байрона, такая позиция обусловила художественные недостатки – непонятность, путаность текста. Для Китса Вордсворт прежде всего великий певец природы, открыватель новых критериев прекрасного, новых законов поэтической речи, близкой к языку простых людей. Он тоже осуждает переменную политических воззрений Вордсворта, не приемлет его склонность к поучению, к самоуверенному навязыванию своих мыслей; однако высмеянную Байроном поэму «Прогулка» называет среди трёх самых изумительных явлений века. Китс посылает Вордсворту свой первый сборник стихов с надписью: «от автора с искренним благоговением».

Китс считает, что Вордсворт отважился исследовать скрытые, тёмные пути сознания и сделал их доступными для тех, кто без него пребывал бы во мраке неведения. Замечу попутно, что Китс особенно отмечает стихотворение «Аббатство Тинтерн», которое повлияло на пушкинское «Вновь я посетил тот уголок земли», что восторженные отзывы Китса очень близки известным заметкам Пушкина о Вордсворте и Кольридже, произведения которых «исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина».

Выше Вордсворта Китс ставил только Шекспира и Мильтона, а из современников чаще всего цитировал его, Хента и Вильяма Хэзлитта, тонкого критика, автора блестящих эссе на общественные, литературные и «вольные» темы. Китс не раз заявляет, что из всех писателей с одним Вордсвортом хочет поддерживать знакомство. Даже посмеиваясь над ним и пародируя его в стихотворении «Кричит петух» и поэме «Колпак с бубенцами», Китс восхищается его верностью природе и неукрашенной простотой её воспроизведения, упрямой честностью и преданностью жизненному опыту. Даже Милтон, по мнению Китса, не вдумывался так глубоко в сердце человеческое. Вордсворт один знал, что у всех людей вместе – «одно человеческое сердце». Рассматривая Вордсворта как автора, вписавшего новую страницу в историю слова, Китс подражает ему в раннем сонете «Одиночество» и в поздней «Оде греческой вазе» (1819).

* * *

Вордсворт написал сонет «Созерцай прекрасную картину сэра Джорджа Бомонта» в 1811 году и опубликовал его в сборнике «Стихотворения» (1815).

Искусство славься, ибо ты спасло
 И облака чудесные извивы,
 И дым, текущий струйкой прихотливой,
 И луч, блеснувший ярко и светло.
 И кучке путников ты помогло
 В густой тени дерев не затеряться
 И паруснику навсегда остаться
 На лоне бухты, гладкой как стекло.
 Искусство, исцеляющее душу,
 О как высок и скромн подвиг твой!
 И день и ночь несут тебе служенья.
 Ты в свете неба, над водой и сушей
 Явило смертным, задержав мгновенье,
 Святой, достойный вечности, покой.
 (Перевод Елены Дунаевской)

Запечатлев на своей картине странников на опушке леса, художник спасает их от блуждания в ночных чащах. Конкретные образы красоты, в согласии с философией романтизма, сочетаются с определениями её высокого назначения: она утешает души, вырывая мгновенье из потока времени, ибо остановившееся мгновенье быстротекущей жизни дарит людям покой благословенной вечности.

Ещё более свободное обращение со временем и пространством характеризует «Оду греческой вазе» Джона Китса. Если Вордсворт откликается на конкретное за-

конченное произведение, то Китс, по мнению критиков, следовавший его примеру, сосредоточил внимание на вневременном образце.

Китс перенимает не только тему сонета Вордсворта (шедевр искусства), но и благоговейное к нему отношение. Оно сложилось у Китса не только под влиянием Вордсворта, но и уже названных скульптора Хейдона и писателя Хэзлитта. С Вордсвортом его сближает также ощущение остановившегося времени, запечатленное в сонете кистью мастера и в оде – резцом ваятеля. Китс, однако, выходит далеко за пределы мыслей и чувств Вордсворта.

Автор сонета воспроизводит ясно определённые детали увлекающей его картины; автор оды, как выяснили многочисленные комментаторы, не сосредоточился на одном образчике и собрал воспоминания о нескольких вазах из сокровищ Парфенона, выставленных в Лондоне. У Вордсворта господствует задумчиво утвердительная интонация, у Китса – вопросительная, восклицательная, выдающая ощущение неизвестности и сомнения.

Какие боги на тебе живут?
 Аркадии ли житель иль Тенпей
 Твой молчаливый воплощает сказ?
 А эти девы от кого бегут?
 В чём юношей стремительных затея?
 Что за тимпаны и шальной экстаз?
 (Перевод Ивана Лихачева)

Многочисленность этих вопросов (они звучат не только в первой, но и в предпоследней строфе) придаёт оде Китса отсутствующий у Вордсворта драматизм. Прямо и косвенно, вполне ощутимо противопоставление прекрасной вазы и неустранимого страдания земной жизни. На вазе запечатлена

Счастливая, счастливая любовь!
 Всё тот же жаркий вечно юный миг –
 Не скованный земною скорбной целью.
 Не можешь знать ты сумрачную бровь,
 Горящий лоб и высохший язык,
 А в сердце горький перегар похмелья.

И то же и в самом конце:

Когда других страданий полоса
 Придёт терзать другие поколенья,
 Ты род людской не бросишь утешать...

У Вордсворта тоже сквозит мысль о том, что род людской нуждается в утешении, но у Китса вся ода пронизана сожалением о невозможности забыть жестокие страдания, неотделимые от действительности. Они, вопреки сонету Вордсворта, проникают и в изображения на вазе: торжественное шествие к жертвенному алтарю даёт повод вспомнить о городке, навеки покинутом участниками жертвоприношения и обречённом на вечную пустоту.

Если у Вордсворта красота картины несёт «покой благословенной вечности» (он даже моралистически окрашенный прозаизм – «надлежащий покой»), то Китс ограничивается декларацией вазы, не обещая никому ни счастья, ни покоя. Прекрасная ваза – друг, но не спаситель, и её задача не облегчение участи людей, а приобщение их к великой тайне искусства – единству истины и красоты.

Ваза останется другом страдающих людей будущих поколений и скажет им:
 Краса – где правда, правда – где краса,
 Вот знание всё, и всё, что надо знать.

Именно красота, по убеждению Китса, есть истинная сущность жизни, не искажённой жестокостью, бесчестностью, несправедливостью. Ваза провозвестница

этого учения и напоминает о нём как о надежде для человечества, но не как о достоинстве его, или источнике провозглашённого Вордсвортом покоя.

* * *

В сонете речь идёт о произведении живописи, у Китса возникает поразительный синтез скульптуры, музыки и поэзии.

Как сладостен услышанный напев,
Но слаще тот, что недоступен слуху.
Играйте ж флейты, тление презрев,
Свои мелодии играйте духу.

Мелодия воображаемая, по мысли Китса, на столько же превосходит возможности реальных звуков, насколько поцелуй, к которому страстно стремятся влюблённые, превосходит поцелуй «состоявшийся», но не одушевлённый страстью.

О не тужи, любовник молодой,
Что замер ты у счастья на пороге,
Тебе её вовек не целовать,
Но вы пойдёте по одной дороге:
Она не разлучится с красотой,
И вечно будешь ты её желать.

Так искусство превозносится над реальностью, неизбежно печальной, разлучающей любящих, ведущей к гибели красоты. Музыка, торжествующая в вечности, в противоположность рано или поздно замирающим звукам бренного существования, сопоставляется с рельефным изображением вечно зелёных деревьев.

Счастливые деревья! Вешний лист
Не будет вам лишь краткою обновой,
И счастлив ты, безудержный флейтист,
Играющий напев всё время новый.

Без прямого противопоставления за вечным блаженством мраморных рельефов стоит трагический образ земной красоты, обречённой на печальный конец. От этого конца, как уже было сказано, искусство бессильно оградить: оно может лишь *помочь* постигнуть зловещие тайны бытия. И завершается ода твёрдым приговором: человеку не дано знать больше, чем воплощённое в искусстве неразрывное единство истины и красоты, а это знание вряд ли властно отменить тяготы существования.

По мысли Китса, искусство выявляет всё то, что в окружающем мире обыкновенным зрителем остаётся непонятным или невидимым. Вопросы, восклицания, повторения, тревожные призывы придают оде Китса энергию непрерывного движения, порыва, стремления, – тогда как в сонете Вордсворта восхваляется именно неподвижность, преодоление изменчивости; блаженная статичность знаменует близость и досягаемость совершенства, не противопоставляемого реальности. Между тем, трагический пафос оды Китса в том и заключается, что реальность забыть нельзя, ибо горе вечно.

Таким образом, красота для Китса тождественна воспринимаемой воображением истинной сущности жизни, какой она должна быть. Но реальная действительность резко противоречит этой идеальной сущности и потому причиняет страдание.

В отличие от сонета Вордсворта, стилистический строй оды Китса определяется единством многообразия, как тематического, – от преследуемых юношами дев до самозабвенного флейтиста и рвущихся друг к другу влюблённых, – так и интонационного, от медлительной, традиционной поступи оды – до порывистой, динамичной, с быстрым чередованием вопросов и восклицаний. Сквозь внешнюю объективность описания прорываются лирическая субъективность, отчаяние и страсть поэта.

Несмотря на перечисленные отличия, Китс в своей оде остаётся последователем Вордсворта, философской обобщённости его лирики, его преданности природе как источнику творчества и воспроизведению её неумирающего очарования языком, близким к повседневному, приподнятым только подсказанным воображением богатством ассоциаций.

Вордсворт начал новую эпоху в истории английской поэзии, а Китс последовал за ним, но пошёл дальше.

**WILLIAM WORDSWORTH AND JOHN KEATS ("UPON THE SIGHT
OF A BEAUTIFUL PICTURE PAINTED BY SIR G.H. BEAUMONT, BART"
AND "ODE ON A GRECIAN URN")**

N.Y. Dyakonova.

*Herzen Russian State
University*

*e-mail:
diakonov@thd.pnpi.spb.ru*

The literary relations and influences of two generations of poets of English romanticism are presented here. The contradictory evaluation of William Wordsworth's poetry given by his contemporaries George Byron and John Keats caused not only by the general differences in views but the principal of interpreting the works of his literary contemporaries. In early works Keats was unlikely tried to imitate the poetry of his literary idol Wordsworth. The comparative analysis of Wordsworth's sonnet "Upon the Sight of a Beautiful Picture Painted by Sir G.H. Beaumont, Bart" and Keats's "Ode on Grecian Urn" in spite the different approaches to art shared by the authors proves that in poetry Keats continued to follow the "Iakist" Wordsworth.

Key words: Wordsworth, Keats, Byron, Iekist, sonnet, Beaumont, Grecian urn